

Сергей БАГРОВ

ЗВОНОК

ЭТЮДЫ

СОДЕРЖАНИЕ

	На огромной пластинке 1
	Нельзя!..... 2
	Бесплатный подарок.....3
	Сыны..... 4
	Посреди миров..... ..5
	Звонок.....6
	Пружина..... ..7
	Отдельно от сердца..... 8
	Забывтое поле..... 9
	Тайная идея.....11
	Угомонись, метель!..... 13
	Мои глаза.....14
	На озеро Воже..... 16
	Стояние.....17
	Красавица в трюмо..... 19

ЭТЮДЫ

НА ОГРОМНОЙ ПЛАСТИНКЕ

Колготливо в стране, шумливо и бередливо. И не сразу поймешь: кого у нас больше? То ли одетых в одежду людей очень ловких чертей? То ли людей, почему-то скинувших эту одежду?

Все сошлись, как на вечно несущемся круге: мелкие жулики на вокзале, губернатор на Вольве, разбойники в переулках, пожилые и молодые, рабочие и крестьяне, олигархи и торгаши. Собрались,

как на долгоиграющей, очень огромной пластинке, которую крутит с неистовой страстью, наверное, сам сатана. Крутит крамольник и замечает, как с круга один за другим срываются те, кто не мог устоять. И вот уже где-то они позади, за пределами долгоиграющей, где так тихо и так спокойно и где нет и не будет уже ничего.

НЕЛЬЗЯ!

Грядущее, как гоголевский Вий. Глядеть в его глаза нельзя: останешься слепым. И

*не глядеть нельзя: споткнешься,
и тебя затопчут те, чей топот
за тобой такой же неоста-
новимый, как и поступь Вя.*

БЕСПЛАТНЫЙ ПОДАРОК

*Ты живой! Разве этого
мало? Ведь такое дано на
земле только тем, кого
смерть обошла стороной.*

*Почему мы не ценим того, что
глядим на восход? Слышим
гром? Пожимаем друг другу
руку?*

*Почему мы всегда чем-нибудь
недовольны? Почему нам
всегда чего-то недостает?*

Ты живой! Это так удивите-

льно! И за жизнь свою никому не обязан платить, потому что тебе подарили ее бесплатно.

СЫНЫ

Фронтовики! Как мало вас! И потому вы тянетесь друг к другу. Как напоследок. Как в последний раз.

Все тише раздаётся «Синенький платочек». Все несдержимее и ближе слабая слеза. Но кто бы знал, как сильно в вас живет воспоминание о том, как проходили вы внизу, под самой смертью, которая в вас

метила, но, промахнувшись, срезала других! И оттого вы рядом с нами, точь-в-точь ходячие музеи. В музеях же — кровавые окопы, выстрелы, встающая с колен порабощенная Европа и светлая, как утро, дорогая Русь, с которой вы остались до конца, как настоящие ее сыны.

ПОСРЕДИ МИРОВ

Приходит время новым городам и новым государствам. Все старое сметается, как пыль. Нет даже древних деревень. Есть толь-

*ко те, которые растут на
пустырях и пепелищах.*

*Приходит время уходить. И
мы уходим – тихо, нехотя, по
одиночке. Нас нет. Но место
наше занято. Пустот у жизни
не бывает.*

*Восходят над народами
народы. Восходит и заходит
солнце. И посреди миров, как
исполинский пароход, плывет
Земля. Плывет в чудесную и
страшноватую, как сказка,
неизвестность.*

ЗВОНОК

*Зло и добро перемешано.
Того и другого достанется*

каждому в равной мере, за исключением ранних, ушедших из жизни не по звонку.

Звонок же небесный дает сигналы лишь тем, кто от жизни забрал сполна и готов прихватить напоследок еще и чужое.

ПРУЖИНА

Неустроенность - это еще ничего.

Безденежье - это еще поправимо.

Обнищание - это тоже еще не беда.

Предательство - это уже безнадежно.

Потеря достоинства - это конец.

Смерть - это бешеная пружина, что бросает с размаху на небеса.

ОТДЕЛЬНО ОТ СЕРДЦА

Смерть еще не прошла ледяной полосой по всему его телу, а он ощутил ее в той неестественной боли, какая заполнила щель от ножа, полоснувшего около сердца. И только глаза, не веря в случившееся, упорно выкатились наружу, и в них прокарабкалось удивление: «Да нет! Не меня! Тут чего-то не то...»

Но отдельно от сердца глазам не дано прожить и минуты. Так, раскрытые настезь, они и уставились в мир, от которого ждали опровержения. Но обратного счета всему, что случается с нами, нет, и не будет. Потому и затихли они вместе с сердцем, не поверив тому, что у них отобрана жизнь.

Василию Белову

ЗАБЫТОЕ ПОЛЕ

Задичавшее поле, где когда-то твердела в наливе высокая рожь, заросло плодовитыми сорняками. Это

наша действительность, перекосы угрюмого века, на ветрах которого разлетаются семена чернобыльника и осота.

А над полем – привычные добрые облака и такое же доброе солнце, и знакомый косяк отлетающих птиц, и оса, зависшая над ромашкой. Это вечность, какая была здесь и прежде.

Оставаться с таким же не изменяющимся лицом предстоит ей всегда. Потому что оса и птицы, солнце и облака обходились и обойдутся без человека. Человек же без них обречен. И еще обречен он без

хлебного поля. Возвратить ему лучшие дни может лишь колосистая рябь поспевающих ржей, на усах которой качается доброе солнце.

ТАЙНАЯ ИДЕЯ

Иные втайне про себя считают, что человечество спасется, если уничтожить самых слабых, неспособных, старых и больных, оставив для потомства только сильных и умелых.

В этой кощунственной идее не учтена способность каждого из нас нести утрату по тому,

кого ты должен был сберечь, но не сберег. И это траурное чувство с годами разрастается, как нелечимая болезнь. Поэтому и нас пометят крестиком ужасного отбора. Избавятся, оставив лишь бесчувственных и сильных.

Так, что ли, и на самом деле будет?

- Так! - улыбнется человеко-робот.

- Нет! - стиснет зубы человек-боец.

УГОМОНИСЬ, МЕТЕЛЬ!

Там, за окном, холодный резкий ветер, в котором крутятся обломанные ветки, хлопья снега и черный, как летающий дракон, кусок сорвавшегося с крыши рубероида.

А в кухне, где большая печь, тепло и гомонливо. Гомон – от трубы, в которой словно бы сошлись коллеги-оркестранты.

- Шуми, метель!

Я слушаю ее, как друга, который перепил и вот куражится, смеется, пляшет и буянит.

*Вдруг в мерзлое окно
кидается озябшая синичка.
Летает и висит, пытаясь
зацепиться лапками за раму. Я
рад бы ей помочь. Но между
нами два стекла. Еще секунда
– и синички нет.*

*Вновь музыка в трубе, как
бешеные крики куражира,
который разъярен и хочет
меня выставить за дверь.*

- Угомонись, метель!

МОИ ГЛАЗА

*Лет через 5, а может, через
10, когда меня не будет, как
и сейчас, все так же станет
зеленеть дворовая трава, и*

ласточка блестеть в полете
беленьким брюшком, и ветерок
с таким же баловством качать
туда-сюда скрипучее окно, и
чьи-то чуткошные ноги
пробегут, разбрызгивая лужу у
крыльца, и, длинно улыбаясь,
пробренчит бадьей немолодой
сосед, ступая вдоль забора на
ручей, чтоб принести для чая
ключевой воды.

Все будет прежним. Да-
же из раскрытого окна, где
я сейчас сижу, гля-
деть на деревен-
ский двор будут
такие же глаза.
Мои глаза на не
моем лице.

НА ОЗЕРО ВОЖЕ

Задевая спиной черный бархат небес, пролетают в мерцании звезд над чужой стороной вожегодские журавли. Запах Африки - где-то вдали. Впереди - осиянные вешней водой моховые болота и озеро Воже.

Это родина, где под каждым кустом и деревом - дом. Но до родины, как до пятого государства, ой как долго лететь - над Неапольскими садами, над туманами Курских степей, над дубравами Подмосковья.

Слышен плач, словно кто-то зовет на подмогу с небес, скрытых серыми облаками. Отчего этот плач? Может быть, от огромной тяжести туч на устало прогнувшихся крыльях? Может быть, от знобящего ветра?

Нет! Рыдание это от яростной воли, с какой журавли продолжают свой путь, хотя он в эту полночь и невозможен.

СТОЯНИЕ

Надвигается туча. Она многослойна, темна и свирепа.

Настолько свирепа, что разрывает себя когтями, изпод которых выбрызгивает огонь.

Молния, гром и ливень — высокие гении летней стихии. И мы перед ними невольно трепещем. И тянемся к ним с необъяснимой робостью и любовью.

С такой же любовью и страхом стоят обнаженные перед тучей укладистый стог и хрупкий цветок. Стоят, как хранители луга, которым нельзя уходить, и они не уйдут.

Все, что предгибельно, то и прекрасно. Прекрасен взье-

*рошенный стог и упругий
цветок в их великом стоянии
перед бурей.*

КРАСАВИЦА В ТРЮМО

*Глаза потухли, словно в
комнате погасли свечи, и лицо
твое померкло, погрузилось в
ночь, в которой разглядела ты
красавицу с тугой косой и
кротким взором незабудковых
очей. Красавица смотрела на
тебя, как из зеркального
трюмо, и улыбалась с
превосходством юности, к
которой для сравнения
поставили старуху.*

Старуха - это ты. И кротко-

глазая с улыбкой -
превосходства -
тоже ты. Но
между вами -
сорок лет. Как
увлекательно,
красиво и мгно-
венно пролетели

эти годы! Что -
впереди?
Старушечьи шажки да сладкие
воспоминания, в которых,
словно в зеркале, сияет
статная красавица с тугой
косой и этой подсекающей
твое дыхание улыбкой.